

— Ну же, не дуйся так, — Гу Суйчжи едва сдерживал смех, прикрывая лицо ладонью, а его плечи мелко подрагивали. — Всё, что я сказал — чистая правда. Просто хотел оставить что-то на память. В прошлый раз ты выдал это так внезапно, что я и расслышать не успел, а тут подвернулся такой случай... Хорошо-хорошо, я виноват. Прошу прощения.

Линь Му не спешил принимать извинения.

В последнее время Гу Суйчжи переходил все границы. Если раньше в его словах ещё сквозила ирония, то теперь он, казалось, задался целью не давать юноше и продыху.

— Ну правда, не сердись, — вкрадчиво повторил мужчина.

Линь Му пропустил это мимо ушей, сосредоточенно выискивая выход.

***

«Посмотреть на Гу Суйчжи»?

Мо Сюнь примерно догадывался, о каком зрелище шла речь.

Всесильный евнух Гу Суйчжи, занимающий пост Чжанъиня, давно стал притчей во языцех. О его коварстве, расправах над верными слугами престола и уничтожении инакомыслящих слагали легенды. Деспотичный, жестокий, он лично раздувал пламя междоусобиц.

Имя этого человека гремело так громко, что в глазах народа он превратился в мифическое чудовище. Чиновники и простолюдины ненавидели его, боялись до дрожи и в то же время наделяли почти сверхъестественной силой.

Дошло до того, что любые беды, к которым глава ведомства не имел ни малейшего отношения, всё равно приписывали ему.

На юге проливные дожди? Виноват Гу Суйчжи.

На севере вспыхнула моровая язва? Его рук дело.

На границах войска терпят поражение? И тут, конечно же, не обошлось без происков Чжанъиня.

Слухи становились всё абсурднее. Поговаривали даже, будто он — самый настоящий лич,

практикующий чёрное колдовство.

Ненависть росла, и всякий раз, когда паланкин евнуха показывался на улицах столицы, находился смельчак из толпы или опальный чиновник, готовый плюнуть вслед процессии.

Сам же Гу Суйчжи к этому давно привык. Он принимал и клевету, и яростные проклятия с неизменным равнодушием. Если пребывал в добром расположении духа — просто не обращал внимания, если же нрав его был мрачен — велел бросать наглецов в застенки или приказывал Фэн Вану отсечь виновному пару-тройку пальцев.

Именно на такое «представление» — на то, как паланкин Чжаньиня в очередной раз заблокирует разъяренная толпа — и звал посмотреть Мо Хэмяо.

Мо Сюнь лихорадочно пытался вспомнить, был ли такой эпизод в сюжете книги. Промучившись несколько минут, он в сердцах хлопнул себя ладонью по лбу.

Его память, эта сокровищница ненужного хлама, работала безупречно, когда дело касалось ерунды.

Он помнил, сколько обезьян живет в Пекинском зоопарке.

Знал по именам всех дальних родственников зятя комендантши общежития.

Даже вкус чернил, которых он наглотался в первый день в школе, до сих пор стоял у него на языке.

Но стоило попытаться вспомнить хоть одну важную главу романа — и в голове воцарялась звенящая пустота!

«Было ли это в оригинале? Станет ли это событие поворотным моментом? И главное: если я пойду туда, не станет ли Гу Суйчжи ненавидеть меня ещё сильнее?»

Юноша хотел было продолжить свои изыскания, но Мо Хэмяо уже бесцеремонно схватил его за руку и потащил к выходу. После двух неудачных попыток вырваться Мо Сюнь впал в ярость и запрыгнул брату на спину.

— Но-о! Пошел! Залетные! — завопил он, изображая наездника.

Второй принц пошатнулся. Слуги тут же бросились к нему, готовые поддержать, но принц лишь отмахнулся. Он слегка повернул голову, и Мо Сюнь увидел его нечеткий профиль.

— Маленький дурачок, — негромко спросил Мо Хэмяо, — у твоего второго брата ноги неважные. Не слишком ли тебя трясет?

Принц задумчиво посмотрел в небо и расплылся в лучезарной улыбке:

— Трясет!

Он придвинулся к самому уху брата и заговорщицки прошептал:

— Второй брат, я открою тебе один секрет.

— И какой же?

— Второй брат ходит так, будто бабочка летит: то вверх, то вниз. Это так весело! Вот поэтому мне и нравится кататься у тебя на спине.

Шаг Мо Хэмяо на мгновение сбился. Но лишь на миг — принц тут же восстановил равновесие и негромко рассмеялся:

— В следующий раз, как выдаться свободная минутка, мы снова поиграем с тобой в грибы, маленький дурачок.

***

Вскоре паланкин доставил их на одну из городских улиц. Широкий и прямой проспект был забит народом так плотно, что и яблоку негде было упасть. В самом центре замерла скромная на вид карета. Вооруженные стражники с трудом сдерживали толпу, а из гущи людей доносились истошные крики и ругательства.

— Пёс кастрированный! Ни мужик, ни баба!

— Тварь бессердечная, чтоб твой род пресекся!

— Отпусти нашего господина!

Мо Хэмяо отодвинул занавеску и с неподдельным интересом принялся наблюдать за бушующей толпой. В особо «яркие» моменты он даже одобрительно хлопал в ладоши. А когда кто-то выкрикнул: «У тебя, евнуха поганого, и вся родня такая же дефектная!», принц и вовсе прыснул от смеха. Он достал трубку и затянулся, выпуская облако ароматного дыма.

Мо Сюнь посмотрел на него с нескрываемым презрением. Окажись этот человек в

современном кинотеатре, он наверняка стал бы самым невоспитанным зрителем. Да и ругательства, честно говоря, были так себе. В его времена один пост с тремя точками в комментариях под горячим трендом в Weibo мог собрать сотни куда более изобретательных проклятий.

Эх. Совсем не хотелось общаться с людьми, которые никогда не видели интернета.

Юноша с тоской вспомнил о своем «наследии» в ином мире:

«Аккаунт на «Цзиньцзян» с парой сотен нерастраченных монет...»

«Прокачанная до максимума игра, в которой осталось еще несколько десятков дней невостребованной подписки...»

«Школьная карта, на которую я только-только закинул двести юаней...»

Чей-то палец бесцеремонно ткнул его в щеку.

— Маленький дурачок, — Мо Хэмяо с недоумением воззрился на брата. — Вокруг такое веселье, а ты витаешь в облаках? О чем ты думаешь?

Мо Сюнь был безутешен. Говорить не хотелось совершенно, но брат не унимался, желая во что бы то ни стало проникнуть в его внутренний мир. И тогда юноша, собрав последние силы, выдал шедевр в духе «литературы абсурда»:

— Я думаю о том, о чем я думаю сейчас. И что же это за дело, о котором я думаю? На самом деле, это именно то самое дело. Это дело — вовсе не великое дело, а раз оно не великое, значит, это дело малое. Но если говорить прямо, то это и есть то самое дело, о котором я думаю.

Мо Хэмяо: «...»

Что ж. Кажется, у маленького дурачка проснулась тяга к дзен-буддизму. Принц протянул ему трубку:

— Затянешься?

«Ну и гад же ты», — подумал Мо Сюнь. Мало того, что заставляет дышать пассивным дымом, так ещё и курить учит. Юноша помотал головой — несмотря на внешность «гуляки», в душе он оставался примерным ребенком. Наркотики, азартные игры, табак и алкоголь — всё это было для него под строгим запретом.

Мо Хэмяо лишь пожал плечами и снова развалился на подушках.

***

Тем временем на улице перепалка не утихала. Протестующие уже успели помянуть всех предков Гу Суйчжи до восемнадцатого колена. Фэн Ван осторожно приблизился к окну кареты и шепотом спросил:

— Господин, каковы будут указания? Казнить?

Внутри Гу Суйчжи небрежно откинулся на мягкие валики, держа в руках книгу. Несмотря на поднявшийся снаружи шум, он даже не поднял взгляда. Лишь когда Фэн Ван обратился к нему, евнух соизволил отвлечься от чтения.

— Чьих он будет? — сухо спросил он.

— Чжоу Цая.

В памяти Чжаньиня всплыл образ немолодого мужчины с козлиной бородкой. Да, припоминается... Две недели назад он велел бросить этого человека в темницу. Чжоу Цай в прошлом году урезал пайки для голодающих, а когда за ним пришли, этот мерзавец как раз пытался силой принудить к сожителству десятилетнего слугу.

Иронично: евнух едва ли не впервые совершил благое дело, а его за это поливают грязью на глазах у всей столицы. Горожане, не зная правды, по привычке считали виноватым его.

Гу Суйчжи криво усмехнулся:

— Столько времени их слушал, а ничего нового так и не разобрал. Одно и то же: «евнух», «кастрат»... Видно, завидуют.

Он посмотрел на помощника и спокойно добавил:

— Убивать не надо. Просто отрежьте ему корень и отдайте — пусть забирает себе.

Фэн Ван кивнул и уже сделал пару шагов, положив руку на эфес короткого меча, как Чжаньинь окликнул его:

— Стой.

— Господин?

Гу Суйчжи редко менял свои решения, но сейчас на его губах играла странная улыбка:

— Отставить. Не нужно пугать людей сталью. Просто переедьте его.

Он помедлил и добавил:

— И отправь второму принцу и маленькому принцу чаю со сладостями. Спроси их, вдоволь ли они насладились представлением?

Фэн Ван поклонился. Он отдал распоряжение кучеру и, взяв коробку с угощениями, направился к роскошному золоченому паланкину, стоявшему в начале улицы.

Внутри Мо Хэмяо недоумевал:

— С чего это Гу Суйчжи вдруг стал таким добрым и милосердным?

Мо Сюнь: «...»

Карета поехала прямо по человеку, и даже на таком расстоянии истошный вопль едва не разорвал барабанные перепонки. «Второй брат, — подумал юноша, — и где же ты тут разглядел доброту и милосердие?»

Как говорили в древности: блаженны слепые, ибо не видят они зла.

Мо Сюнь впервые видел нечто подобное. Вспомнив лицо Гу Суйчжи, похожее на лик небожителя, он почувствовал, как по спине пробежал холодок. В душе он поклялся, что будет играть роль дурака до самого конца. Подавив дрожь в руках, принц принялся радостно хлопать в ладоши:

— Ха-ха-ха! Как красиво кричит! Прямо как в песне... Кто это поет, согревая одиночество...

Ни один китаец не смог бы произнести вторую часть этой фразы обычным голосом. Мо Сюнь не стал исключением — он не удержался и пропел последние слова. И, надо признать, страх немного отступил.

«Мо-Мо, ты и впрямь Феникс Легенд»

Пока в голове Мо Сюня царил хаос, в окно паланкина постучали.

— Господин принц, — донесся голос снаружи, — господин Чжанъинь прислал сладости. Говорит, чтобы вы и Маленький принц могли успокоить нервы.

Мо Хэмяо усмехнулся и протянул руку:

— Давай сюда.

В руки принца перекочевал изысканный лакированный ящичек. Когда он открыл его, Мо Сюнь увидел содержимое. Хвалить еду можно по-разному. Для него, бедного студента, лучшим комплиментом было: «Не слишком сладко и порция большая». Худшим же — «Это что, на один зуб?»

Подношение Гу Суйчжи относилось ко второй категории. Два крошечных, почти невидимых без увеличительного стекла пирожных были сервированы с таким пафосом, будто их создавали специально для тех, чей доход превышает семь тысяч юаней в месяц. Каждая крошка кричала о своей баснословной цене.

Мо Хэмяо лишь взглянул на них и пододвинул ящичек брату:

— На, маленький дурачок, ешь.

Юноша взял одну штучку — съел. Взял вторую — тоже съел. Пожевал, причмокнул, но так и не понял, в чем же была соль. Мо Хэмяо, наблюдая, как сладости исчезают с молниеносной быстротой, внезапно затыкнулся трубкой и с коварным видом выпустил дым прямо в лицо Мо Сюню. Юноша возмущенно уставился на него.

— Смотрите-ка, характер показывает, — протянул Второй принц. — Ну как, вкусно?

— М-м... так себе.

Мо Хэмяо прищурился:

— Так себе? А уплетал с таким аппетитом.

Мо Сюнь бросил на него короткий взгляд:

— Тебе не понять. Это называется лозунг «Чистая тарелка».

***

У резиденции Наследного принца было не протолкнуться от желающих выразить свое сочувствие. Увидев Мо Сюня и вспомнив, что тот повредился умом, люди с любопытством разглядывали его, но всё же поспешно уступали дорогу. Смотрели на него так, будто он — диковинный зверь в клетке.

«Знаете, — подумал Мо Сюнь, — если я тут поставлю палатку и начну брать деньги за вход, за день можно прилично заработать»

Отгнав эти мысли, он принялся размахивать руками: поднял — опустил, поднял — опустил. С глуповатой улыбкой, точно оживший штопор, он бормотал:

— Вы первые, вы первые.

Чиновники и богачи с козлиными бородками в изумлении взирали на него. Да, слухи не врал — принц окончательно лишился рассудка. От того капризного и заносчивого юноши, который при любом удобном случае хватался за плетень и осыпал всех колкостями, не осталось и следа.

Мо Сюню только это и было нужно. Он вошел в раж: принялся разговаривать с вазой, попробовал на зуб подлокотник кресла и, наконец, уселся на корточки в углу, хихикая и глядя в стену. Толпа была в шоке.

Лишь когда Мо Сюнь закончил пересказывать двум золотым рыбкам в чане пару сказок собственного сочинения, очередь дошла и до него. Служанка проводила его в покои Мо Чэнцзина.

Едва переступив порог, он услышал надрывный, мучительный кашель. Подойдя ближе, юноша увидел Наследного принца: тот, бледный как полотно, полулежал на кровати, прижимая к губам платок, на котором алели пятна крови.

Мо Сюнь подошел и принялся легонько похлопывать брата по спине. Спустя время приступ утих. Мо Чэнцзин со слабой улыбкой посмотрел на него:

— А-Сюнь... спасибо.

Он помедлил и добавил:

— Ты ел сегодня? Жажда не мучает? У меня тут принесли отличный...

Мо Сюнь тяжело вздохнул про себя. Сам болен, а всё о гостях печется, о делах думает. Разве так поправишься? Принц шагнул вперед и, надавив на плечи Мо Чэнцзина, буквально вдавил его в подушки.

— Старший брат, спать!

— А-Сюнь? — Мо Чэнцзин попытался подняться. — Я не хочу спать.

Взгляд Мо Сюня был затуманен безумием, но говорил он быстро и решительно:

— Старший брат будет спать. Больные должны спать. Если не ляжешь, я перебью все твои вазы, изорву одежду, а тех двух рыбок в чане загрызу живьем!

Мо Чэнцзин: «...»

Что это за повадки дикаря? Наследный принц невольно рассмеялся, но тут же снова зашелся в кашле. Кое-как успокоившись, он всё же не сдавался:

— А-Сюнь, послушай меня, там столько людей ждут встречи, я должен...

— Болеть — значит спать.

Мо Сюнь был неумолим:

— Я буду петь старшему брату, а он будет спать.

И он принялся тихонько напевать колыбельную. Старший брат, прижатый к кровати, не мог подняться и с беспомощной улыбкой взирал на Мо Сюня. В конце концов он сдался.

— А-Сюнь... — прошептал он с опаской. — Только не пой больше. Я усну, честное слово.

Мо Сюнь: «...»

Ну вот как можно так завуалированно говорить человеку, что у него нет слуха? Обидно.

Лишь когда Мо Чэнцзин действительно закрыл глаза, Мо Сюнь успокоился. Наследный принц и впрямь был истощен — не прошло и пары минут, как его дыхание стало ровным и глубоким.

Даже когда в комнате никого не осталось, Мо Сюнь не вышел из образа. Он проковырял пальцем несколько дырочек в тонком пологе кровати, а на тумбочку у изголовья водрузил двух глиняных осьминогов собственного изготовления — пусть будут почётным караулом.

Тихонько выскользнув из комнаты, принц шепнул служанкам:

— Старший брат уснул.

Те переглянулись и с благодарностью поклонились:

— Спасибо Маленькому принцу за то, что уложили Его Высочество.

Судя по их облегченным лицам, уговорить Мо Чэнцзина на отдых стоило им немалых трудов. Мо Сюнь лишь отмахнулся:

— Не стоит благодарности. Зовите меня просто — Лэй Фэн.

***

Когда он вернулся во дворец, уже сгустились сумерки. Но ежедневный ритуал ещё не был завершён. Мо Сюнь с фонарём в руках отправился в императорский сад и принялся лепить очередную порцию глиняных монстров: трёхголового кота, девятиглавого червя и причудливо изогнутые башни.

Когда фигурки подсохли, он распихал их по карманам и принялся бегать за маленькими евнухами, выкликая:

— Пирожки! Свежие пирожки! По пятаку за пучок!

Мо Сюнь чувствовал, что стал живым воплощением фразы: «С тех пор как я сошел с ума, жизнь стала куда ярче».

Когда игры утомили его и он уже собирался идти спать, из тени показалась фигура. Это был Фэн Ван. Он направился прямо к принцу:

— Господин Чжанъинь приглашает Ваше Высочество к себе.

Мо Сюнь зевнул:

— М-м... я устал.

Слуга был непоколебим:

— Если Ваше Высочество устали, я могу донести вас на спине. Если вы хотите спать, можете вздремнуть прямо в пути.

Мо Сюнь понял, что Гу Суйчжи настроен решительно. С дурашливым смехом он вскарабкался на спину Фэн Вана и вдруг спросил:

— А можно мне вырвать у тебя седой волос?

— ...Можно.

Мо Сюнь потянул за волосок:

— Ой, ошибся, чёрный.

Снова дёрнул:

— И этот чёрный.

— Хе-хе, какой же ты весь чёрненький.

Фэн Ван: «...»

Ян Ло, стоявшая рядом, изо всех сил старалась не рассмеяться, и её плечи мелко подрагивали.

У самого входа в покои Чжанъиня Фэн Ван поторопил его:

— Идите же, Ваше Высочество. Господин давно вас ждёт.

Мо Сюнь буркнул «ага» и вложил в ладонь помощника пучок вырванных волос. Тот молча принял их. Принцу показалось, или рука слуги и впрямь мелко задрожала?

Проводив юношу взглядом, Ян Ло медленно перестала улыбаться. Её губы плотно сжались, а затем уголки их горько опустились вниз. В эти дни её сердце то и дело уходило в пятки.

Сначала падение Мо Сюня в воду и страх казни...

Затем осознание того, что принц лишился рассудка...

Потом нечаянная радость от того, что он стал покладистым...

И следом — ужас от его дерзости перед лицом императора...

А теперь принц попал в поле зрения Чжанъиня.

Мо Сюнь всё забыл, но Ян Ло помнила всё до мельчайших подробностей. Она помнила свист плети, опускавшейся на спину Гу Суйчжи. Помнила каждое ядовитое слово, каждое оскорбление, которое Мо Сюнь выкрикивал ему в лицо.

Чжанъинь был человеком мстительным. И то, что он вдруг проявил интерес к принцу, не сулило ничего хорошего. Мечь. Пытки. Унижение. И если принц падет, то и им, его слугам, не видать спокойной жизни.

Ян Ло чувствовала, как на душе становится всё горше. Мысленно она уже молилась всем богам, от Восточного Владыки до Западной Матери, прося лишь об одном — чтобы ей позволили умереть достойно и упокоиться в том самом сандаловом гробике, который она присмотрела за огромные деньги.

***

А Мо Сюнь тем временем и не подозревал, что верная служанка уже планирует его похороны. Он бесцеремонно распахнул дверь и, увидев Гу Суйчжи, который, закинув ногу на ногу, читал книгу, поприветствовал его самой дружелюбной фразой, на которую был способен:

— Ну что, поужинал уже?

Гу Суйчжи поднял взгляд, и его тонкие брови тут же сошлись у переносицы.

...Как же он грязен.

Халат и сапоги Мо Сюня совершенно потеряли свой первоначальный цвет. Лицо, руки, шея, волосы — всё было в засохшей грязи, которая осыпалась с него при каждом шаге.

Гу Суйчжи с брезгливостью спросил:

— Ваше Высочество изволили валяться в навозе?

Он хотел уколоть юношу иронией, но тот, как истинный дурак, намека не понял и лишь расплылся в улыбке:

— Точно! А как ты догадался? Какой же ты умный!

Евнух промолчал, предпочитая вернуться к книге.

— Я слышал, Ваше Высочество сегодня навещали Наследного принца.

— А кто это — Наследный принц?

— ...Принц Мо Чэнцзин.

— А-а, ты про моего старшего брата! — просиял Мо Сюнь. — Да, он приболел, вот я и ходил его проведать.

Гу Суйчжи криво усмехнулся:

— Что ж, не соизволит ли Ваше Высочество поведать мне, что интересного вы видели и слышали в его доме?

Мо Сюнь сразу всё понял: ага, шпионаж. Но тут же засомневался. Чжанъинь обладал безграничной властью, и если бы ему нужны были сведения, он бы вряд ли стал расспрашивать полоумного мальчишку. Может, это проверка на верность?

Раз уж он решил быть под крылом Гу Суйчжи, скрывать ничего не стоило. И он начал свой рассказ — с самого начала.

— Утром я проснулся и съел миску каши. Светил ярко свет, я грелся на солнышке, а Ян Ло говорит: «Старший брат заболел». Я говорю: «Пойду проведу». Ян Ло говорит: «Нельзя». Я говорю: «Пойду». Ян Ло: «Нельзя». Я: «Пойду!» Она: «Ни за что!»

Гу Суйчжи почувствовал, как у него начинает дергаться веко.

— Ваше Высочество, — перебил он, — начните с того момента, как вы переступили порог дома принца.

— О, хорошо.

Принц послушно продолжил:

— Я пришел к дому старшего брата и стал ждать. Посмотрел налево — там дед с бородой. Посмотрел направо — там тоже дед с бородой. В креслах сидели бородачи, и у дверей стояли бородачи. Все с бородами!

Гу Суйчжи прижал пальцы к виску. А Мо Сюнь только вошёл во вкус:

— ...Потом я вошел внутрь. Брат кашлял, ох как кашлял! Я обрадовался, говорю: «Брат, я пришел!» А он мне: «Кхе-кхе-кхе!» Я спрашиваю: «Брат, ты заболел?» А он в ответ: «Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе!»

Евнух уже не просто прижимал пальцы к виску, а начал медленно их массировать. К тому времени, как Мо Сюнь дошел до того, как он уложил брата спать и оставил на подушках двух глиняных стражей по имени А-Хуа и А-Мэй, мужчина наконец прервал этот поток сознания.

— Достаточно. Можешь остановиться.

Мо Сюнь буркнул:

— Всё, больше рассказывать не надо? Тогда я могу пойти поиграть? А то ты меня позвал, а я еще не всё доделал.

Гу Суйчжи едва заметно кивнул. Мо Сюнь с радостным видом развернулся, но у самого порога голос евнуха настиг его снова:

— Ваше Высочество, постойте.

Сердце принца ёкнуло.

«Почему он передумал? Неужели я сделал что-то не так? Вроде бы нет — Чжанъинь даже слушал мою болтовню, хоть и с отсутствующим видом»

Гу Суйчжи поднялся и отдал короткое распоряжение. Фэн Ван тут же принес таз с водой и мыло, водрузив их на подставку у входа. Мо Сюнь пару раз плеснул водой в лицо и потянулся к мылу. Потерев его в руках, он почувствовал тонкий аромат морозной сливы — точь-в-точь как от самого Гу Суйчжи.

Гу Суйчжи стоял рядом, наблюдая за действиями юноши. Это зрелище было для него в новинку. Ведь раньше Мо Сюню требовалось как минимум три служанки, чтобы просто умыться. Он изводил на себя уйму притирок и кремов, желая сиять от макушки до кончиков ногтей. А теперь он, не дожидаясь помощи, сам согнулся над тазом и усердно, не жалея сил, тёр лицо мылом.

В который раз евнух поймал себя на мысли, что Мо Сюнь стал совершенно иным человеком. Но тут его взгляд замер на левом уголке губ принца. Там красовалось маленькое, идеально круглое пятнышко грязи. Оно привлекало внимание мужчины с самой первой минуты, как принц вошел в комнату. Оно раздражало его, мозолило глаза.

Он терпел, сколько мог, но чистоплотность взяла верх. Увидев, что принц закончил умываться, Гу Суйчжи вздохнул с облегчением. Но когда Мо Сюнь поднял голову, все надежды рухнули — пятнышко осталось на месте. Вода лишь немного размывала его, и теперь серые потеки медленно сползали по нежной, белой, точно фарфор, коже юноши.

— Ваше Высочество.

Гу Суйчжи окликнул его и, когда тот обернулся, коснулся кончиком пальца своего уголка губ в том же самом месте, безмолвно указывая на оплошность. Но Мо Сюнь намека не понял. Он уставился на евнуха со смесью тупости и изумления, после чего яростно замотал головой и

заикаясь выдал:

— Н-н-нет... н-н-не... не будем целоваться.

Мужчина опешил. Даже при его феноменальном уме ему потребовалось мгновение, чтобы осознать: принц принял его жест за предложение поцелуя...

«И как только в его голову пришла такая мысль? О чем вообще думает этот щенок?»

***

Мо Сюнь увидел, как брови Гу Суйчжи сошлись у переносицы, а его хищные глаза расширились от изумления. Но уже спустя мгновение на лице Чжанъиня снова заиграла едва уловимая улыбка.

Он медленно поднялся, не говоря ни слова, и принялся неспешно поправлять рукава. Закончив, он вскинул взор на Мо Сюня. Один шаг, второй, третий... Сапоги евнуха бесшумно ступали по полу. Его лицо, прекрасное и опасное, вблизи казалось ещё более властным. Эта полуулыбка, этот вкрадчивый взгляд — всё дышало первобытной, пугающей силой.

Принц не мог понять: рад Гу Суйчжи, разгневан или просто окончательно лишился рассудка, выслушав его бред? Сердце юноши ушло в пятки. Он крепко сжал кулаки в рукавах, сдерживая желание броситься наутёк, и замер с самым бестолковым выражением лица.

Гу Суйчжи молча возвышался над ним. Аромат сливы — более резкий и холодный, чем от мыла — окружил юношу. Мужчина долго смотрел на него сверху вниз, после чего внезапно поднял руку.

Мо Сюнь зажмурился, ожидая удара, и в тот же миг почувствовал холод у губ. Ледяной палец с силой мазнул по его коже.

Юноша удивленно открыл глаза. Гу Суйчжи отстранился и продемонстрировал ему испачканный кончик пальца.

— Ваше Высочество уже взрослый человек, а умываться так и не научились.

Евнух достал платок и принялся методично вытирать палец. На его губах застыла ироничная усмешка.

— Почему Ваше Высочество зажмурились? Решили, что я снова собираюсь вас ударить?

В чёрных глазах главы ведомства вспыхнул опасный огонек. Он вперил в Мо Сюня взор, точно охотник в добычу, и негромко произнес:

— Будьте покойны, Ваше Высочество. Пока вы послушны, я ни в чем не буду вам отказывать — ни в еде, ни в питье, ни в забавах...

Мо Сюнь будто что-то вспомнил и воскликнул:

— Гу... Гу Суйчжи! Мой щенок! Ты обещал мне щенка!

— Можете быть уверены, — ответил мужчина. — Я всегда держу свои обещания.

Он помедлил и добавил:

— А теперь, не соизволит ли Ваше Высочество отпустить меня?

Принц опешил. Он проследил за взглядом Гу Суйчжи и обнаружил, что сам того не замечая вцепился мёртвой хваткой в его рукав. Идеально разглаженный шёлк снова покрылся морщинами. Юноша поспешно разжал пальцы и глуповато заулыбался.

Чжанъинь снова принялся приводить одежду в порядок, не поднимая головы:

— Можете идти, Ваше Высочество. Провожать не буду.

***

После всех этих треволнений у Мо Сюня пропало всякое желание лепить из глины. Вернувшись в свои покои, он рухнул на кровать и мгновенно уснул. На следующее утро страх прошел, и он снова превратился в бодрого и жизнерадостного дурачка.

За завтраком он с аппетитом уплетал прозрачные пельмени, но вдруг замер:

— У еды... какой-то... другой вкус.

Ему показалось, что яства слаще обычного. Вкусно, но принц, вжившийся в роль «обаятельного злодея», был крайне осторожен и дорожил своей жизнью. Вдруг отравили? Он уже хотел было всё выплюнуть, но Ян Ло поспешила его успокоить:

— Это господин Чжанъинь прислал сегодня с утра пораньше.

— А-а, — выдохнул Мо Сюнь, и страх как рукой сняло.

Странное дело... Он знал, что Гу Суйчжи должен ненавидеть его больше всех на свете. Но теперь, когда они оказались в одной лодке, юноша ощущал необъяснимое спокойствие. Чжанъинь был могучим кораблем в самом сердце бушующего океана — кораблем, построенным из костей и крови, скрепленным ненавистью, но надежным. И Мо Сюнь был одним из тех, кто искал на нем спасения.

Он немного подумал и сказал Ян Ло:

— Тогда я тоже должен ему что-нибудь подарить!

С этими словами он бросил палочки и подбежал к туалетному столику. Драгоценные подвески, жемчужные шпильки, шелковые платки, баночки с притирками — он хватал всё без разбору.

Ян Ло только руками всплеснула:

— Ваше Высочество, ну как же так... нельзя же...

Но принц был неумолим. Пришлось служанке собрать все эти дары и отправить их евнуху. После обеда юноша заскучал и снова изъявил желание навестить Мо Чэнцзина. Пришлось Ян Ло снова снаряжать экипаж.

В резиденции Наследного принца всё было по-прежнему: толпы чиновников и знати. Мо Сюнь ни на кого не обращал внимания, увлеченно беседуя с карпами в пруду, как вдруг почувствовал за спиной тяжелый запах вина, смешанный с ароматом благовоний. Он радостно обернулся, раскинув руки:

— Второй брат!

Но его грубо оттолкнули.

— Сначала смотри, кого обнимаешь. Второй принц там, — холодно бросил юноша.

Это был Фан Лин. Сегодня он снова был в воинском облачении, которое выгодно выделяло его среди длиннополых халатов придворных. Вид у него был крайне недовольный. Мо Сюнь не знал, всегда ли Фан Лин такой угрюмый или он просто не выносит вида «маленького дурачка».

Рядом Мо Хэмяо, изрядно подшофе, игриво хлопнул Мо Сюня веером по макушке:

— Что, уже и брата родного не узнаешь?

Принц глупо рассмеялся:

— Второй брат, вы с ним знакомы? А почему вы пришли вместе?

В комнате мгновенно стало тихо. Чиновники затаили дыхание, жадно ловя каждое слово. До того как принц лишился рассудка, придворные делились на три лагеря: сторонники Наследного принца, приверженцы Чжанъиня и те, кто стоял за Мо Сюнем. Но после инцидента в пруду равновесие пошатнулось. Сторонники первых двух партий чувствовали себя уверенно, а вот те, кто делал ставку на Маленького принца, метались в растерянности.

Тем более что хромой Мо Хэмяо вдруг развил бурную деятельность. Да и Фан Лин вернулся в столицу. А молодого маркиза недооценивать не стоило — в его руках была военная мощь границ, сотни тысяч закаленных в боях воинов. Если такой человек затаил недоброе...

Неужели Второй принц задумал...

А если вспомнить, что недавно Гу Суйчжи расправился с кем-то из младших Фан за казнокрадство...

Но разве не говорили, что Фан Лин на стороне Наследного принца?..

В головах придворных роились сотни догадок. Мо Хэмяо и Фан Лин обменялись коротким, едва заметным взглядом. Принц снова стукнул брата веером и рассмеялся:

— Просто встретил господина маркиза по дороге, вот и решили зайти вместе.

Мо Сюнь буркнул «понятно» и снова отвернулся к рыбам. Ему не показалось — воздух вокруг и впрямь будто наэлектризовался.

***

— Второй принц и молодой маркиз?

Гу Суйчжи усмехнулся:

— Ясно.

Сегодня он был не во дворце, а в Западном квартале. Здесь повсюду виселись кабаки, бордели и чайные домики, а в воздухе стоял густой, душный запах пудры и помады. Евнух прикрывал нос платком, следуя за Фэн Ваном к одной из лавок.

Это была недавно открытая кондитерская. Супруги-владельцы приехали из южных краев и славились своим мастерством. Вчера один из чиновников преподнес их сладости императору. Тот, отведав кусочек, расхохотался и заявил, что в этом вкусе чувствуется «женская прелесть». Расспросив гостя, он узнал, что хозяйка лавки и впрямь на редкость хороша собой, а глаза её чисты и глубоки, точно воды южных озер. Сердце старика дрогнуло.

И вот Чжанъинь прибыл сюда, чтобы исполнить волю государя и забрать красавицу во дворец. Хрупкая фигурка у входа была занята делами и не заметила приближения гостей. Почувствовав, что кто-то остановился рядом, женщина с приветливой улыбкой подняла голову:

— Господин желает отведать сладостей?

Она замерла. Мужчина перед ней был невероятно красив — ликом подобен небожителю, но в чертах его сквозило нечто демоническое, властное. Оторвать взгляд было невозможно.

— Тао-нян? — спросил евнух.

Женщина растерянно кивнула. Манера речи этого человека отличалась от всех, кого она знала: он слегка растягивал слова, придавая им вкрадчивый, почти интимный оттенок. Голос его очаровывал.

В голове у Тао-нян всё поплыло, но тут глава ведомства произнес:

— Его Величество отведал ваших сладостей и нашел их отменными.

— Его Величество? Государь Император?

Ослепленная красотой гостя, женщина только сейчас заметила его роскошное алое одеяние с вышитыми драконами и костяной жетон на поясе. Она мгновенно поняла, кто перед ней. Кто ещё из евнухов мог обладать такой внешностью? Тао-нян упала на колени, лепетала слова благодарности.

Но сверху донесся бесстрастный голос:

— Собирайся. Поедешь со мной во дворец.

Осознав истинный смысл этих слов, женщина почувствовала, как сердце её падает в бездну. Она подползла на коленях, пытаясь обхватить ноги Чжанъиня, но Фэн Ван преградил ей путь. Ей оставалось только плакать и биться лбом о землю:

— Господин Чжанъинь, пощадите! Я замужем... мы с супругом давно венчаны... Господин! Прошу вас, отпустите меня!

Мужчина смотрел на неё сверху вниз.

— Встань.

Но Тао-нян лишь продолжала рыдать и молить о пощаде. Мужчина бросил взгляд на помощника, и тот, поняв приказ без слов, силой поднял женщину на ноги. Гу Суйчжи слегка наклонился к ней:

— Беги.

Он помедлил и добавил:

— Если за тридцать вдохов успеешь добежать до угла улицы, я тебя отпущу.

Тао-нян в оцепенении смотрела на него. Лишь когда Фэн Ван ощутимо толкнул её в спину, она очнулась. Забыв о приличиях, она подобрала юбки и, точно безумная, бросилась прочь. Зеваки, собравшиеся вокруг, переглядывались. В их глазах читалось одно:

«Слава богу!»

Слава богу, что Гу Суйчжи такой извращенец. Он всегда так поступал. Исполнял приказ императора, но при этом извращал его суть. Ему нравилось пользоваться властью, чтобы смотреть на слезы женщин, на то, как они ползают у него в ногах, как в ужасе пытаются спастись. Говорили, что евнухи лишены человеческих чувств и души их искорежены — и в этом случае молва не лгала.

Глядя на то, как Тао-нян скрывается за углом, Гу Суйчжи криво усмехнулся и отвел взгляд. На самом деле время уже вышло. Но это не имело значения — он и не собирался её ловить. Ему просто хотелось увидеть этот бег. Подальше от него, подальше от старого императора. Это было то самое, что когда-то не удалось сделать его матери.

Глава ведомства развернулся, собираясь уходить. Но, сделав пару шагов, остановился:

— Фэн Ван.

— Господин?

— Эти сладости станут платой за моё сегодняшнее «милосердие». Собери несколько коробок и отправь Маленькому принцу.

Вспомнив о юноше, Гу Суйчжи позволил своим хищным глазам чуть сощуриться:

— Пусть это будет моим подарком в ответ на ту гору барахла, что он прислал мне утром.

***

Насмотревшись на «представление», по дороге во дворец Мо Сюнь не отрывался от окна кареты. Древние улицы, незнакомый быт, люди — всё это казалось ему удивительным и новым. Он умолял брата позволить ему выйти и прогуляться, но тот был непреклонен.

— Нельзя. Я и так рискую, вывозя тебя из дворца. Если с тобой что-то случится, мне перед отцом не оправдаться.

Пришлось принцу смириться. Но уже на следующий день ему представился новый шанс — Наследный принц Мо Чэнцзин серьёзно занемог. Болезнь была внезапной и тяжёлой, он не мог даже подняться с постели. Разумеется, такое событие не могло остаться незамеченным: толпы знати и торговцев поспешили к нему с визитами, и Мо Сюнь тоже вознамерился быть там.

Ян Ло поначалу и слушать об этом не хотела, но стоило ей отказать, как принц принялся ползать по полу с распущенными волосами — вперед, назад, кругами... Выглядел он при этом как настоящий злой дух, в котором злобы было на все десять частей. Зрелище было не из приятных, и служанке то и дело хотелось дать ему затрещину. В конце концов она сдалась и, упаковав Мо Сюня в карету, осторожно доставила его к дому старшего брата.

***

Вскоре Линь Му почувствовал знакомую, умиротворяющую ауру, и свечение камня погасло, оставив лишь тонкую нить, которая ласково коснулась его пальцев. Юноша успешно подобрал Слезу цзяожэня и спрятал её в карман. Эта вылазка прошла на редкость удачно.

Гу Суйчжи усмехнулся:

— Ну как, теперь видишь, что я не просто так над тобой подшучивал? Умение писать всё же пригодилось.

Он заставил юношу написать знаки на руке, и это сработало. И пусть на самом деле помогла Кровь бога, разве это мешало мужчине преследовать свои маленькие корыстные цели?

Гу Суйчжи негромко рассмеялся:

— Теперь-то ты перестанешь на меня дуться, а?